

Ностальгия: диалог знания и памяти¹

А. В. Зинченко

кандидат психологических наук, психолог, частная практика, США

В статье описывается феномен ностальгии как особого вида эмоциональной памяти, позволяющей сохранить иллюзию непрерывности в ситуации резких жизненных изменений. Опираясь на анализ литературы и на собственный опыт психотерапевтической работы с иммигрантами из бывшего Советского Союза в США, автор показывает, что ностальгия может проявляться в тяжелых психосоматических состояниях, ажитированной депрессии, психотических и диссоциативных симптомах. Для понимания этого феномена автор обращается к анализу «дома» как личного географического и культурно-исторического объекта, находящегося между человеком и окружением. Опираясь на теорию объектных отношений, автор показывает, что в ситуации разрыва подобного промежуточного пространства встреча с новизной мира приводит к страху, в то время как внутренние переживания зачастую вызывают состояние ужаса. Ностальгия в этих условиях служит для 1) восстановления связи с утерянным; 2) отторжения новизны окружающего мира; 3) предотвращения нового знания о себе в отсутствие привычных культурных ориентиров.

Ключевые слова: ностальгия; разрыв непрерывности жизненного мира; идентичность; теория объектных отношений; психоз; диссоциация.

... от поиска утраченного времени я обратился к реконструированию прошлого в целях скомпенсировать настоящее, используя память в качестве средства.

Салмон Рушди

Речь в этой статье пойдет об особом виде произвольной памяти — скорее, об аффективном произвольном воспоминании, — ностальгии. Мне потребовалось переехать и прожить вне дома около десяти лет до того момента, как я осознал, что неким причудливым образом продолжаю общую тему исследований моего деда П. И. Зинченко, хотя и применительно к иной психологической реальности. Оказывая психологическую помощь иммигрантам и беженцам с территорий бывшего Советского Союза и Югославии, я чаще, чем когда бы то ни было мог предположить, имею дело с ностальгией — их и своей. Пациенты часто говорят: «Как бы я хотел забыть», или «Зачем мне здесь (показывая на голову) все это нужно?» Они говорят, естественно, не о таблице умножения и не о магическом 7 ± 2 , т. е. не о когнитивной памяти, а о памяти как эмоциональном переживании, ощущении себя и мира. Именно эта память кажется им лишней, воспринимается как ненужный груз и не дает оторваться от прошлого. По выражению одной из пациенток, «Я обернулась назад и застыла как тот соляной столп. Не могу забыть». Этимологически «за-быть» подразумевает последовательное наложение слоев бытия на бытие

до тех пор, пока первый слой не потускнеет под последующими². Иммигранты же, по моим наблюдениям, не за-бывают. Они часто жалуются: то, что было давно, они помнят, как будто это произошло вчера, в то время как произошедшее накануне не могут вспомнить. То есть их бытие не за-бывает прошлое. Иммиграция так разрывает жизненный мир, что прошлое удивительным образом инкапсулируется, становится сверхценным и в каком-то смысле противостоит вторжению настоящего, пытаюсь сохранить исчезающий образ себя.

На последующих страницах я буду размышлять о жизненном мире иммигранта и о ностальгии, особом свойстве человеческой памяти, позволяющей человеку оставаться неизменным несмотря на перемены.

Слово «ностальгия» происходит от греческих слов *nostein* (возвращение «домой») и *algia* (болезненное состояние) и переводится как острое желание вернуться «домой». Любопытно, что «*nostein*» происходит от корня «*nes*», который на старогерманском языке означал «пищу, которую странник берет в дорогу». То есть буквально это что-то со вкусом и запахом дома, что не дает путнику погибнуть в пути³.

¹ Я сердечно признателен Алле Волович за ее помощь в проведении оригинального исследования, на котором основана эта статья. Я также благодарен ей за нескончаемые беседы о доме, ностальгии и переживаниях вынужденных переселенцев.

² Я благодарен Владимиру Туровскому за то, что он обратил мое внимание на этот факт.

³ Я благодарен Николаю Спониору за перевод отдельных частей этого текста на русский язык.

Первое подробное клиническое описание ностальгии появилось в 1688 г. в докторской диссертации швейцарского врача Иоганна Хофера, обратившего внимание на необычные недомогания иностранных студентов, приехавших в Швейцарию учиться. Поначалу он назвал этот синдром «филопадридомания» (мания любви к своему отечеству), но затем остановился на «ностальгии» [26, с. 1715]. Во втором издании работы Хофера был использован другой термин, «птопадриалгия», основанный на греческом слове *pthos*, которое означает «желание того, что отсутствует или утрачено», и может быть переведено буквально как «острое стремление к утраченному отечеству». Хофер живо описал симптомы ностальгии:

Постоянно думает о «доме», печально блуждает; выражает презрение к иностранному образу поведения, охвачен отвращением к чужестранным разговорам, по природе склонен к меланхолии, с трудом переносит шутки, обиды и незначительные неудобства, выражает восхищение родиной, размышляет только о родине; беспокойный сон, бессонница, упадок сил, чувство голода и жажды снижено, слабость, тревожность, сильное сердцебиение, часто вздыхает, ум неповоротлив, чувствует удушье, ступор и лихорадка (цит. по: [18, с. 93]).

Хофер характеризует это состояние как «неизлечимое и фатальное или как минимум особо опасное...[Пациент] не соглашается на лекарство иное, чем возвращение на родину» (цит. по: [10, с. 119]). По странной случайности на протяжении почти двух веков со времен Хофера описания ностальгии появлялись в основном в швейцарской литературе, что даже привело к тому, что ее начали называть «швейцарским заболеванием».

В конце XVIII в. широко изучалась связь между тоской по дому и преступлениями: приступам ностальгии приписывали случаи поджогов, убийств, драк и насилия (Jaspers, цит. по: [18]). В 1806 году в книге «Безумие» Т. Арнольд вводит термин «ностальгическое безумие» и утверждает, что пациенты, страдающие затяжной ностальгией, неспособны жить без посторонней помощи и нуждаются в психиатрической госпитализации [23].

Позднее ностальгию описывали у иностранцев, живших в Англии: они часто заболевали «иммигрантскими психозами». К последним относили острое смятение; шизофренические, парафренические и инволюционные психозы; реактивную депрессию и сумеречные состояния; а также соматические реакции, такие, как потеря аппетита и другие вегетативные нарушения [14]. Манифестации ностальгии, включающие неожиданные вспышки насилия и психических нарушений, наблюдались также у беженцев, которые, избежав политического преследования, понимали, что никогда не смогут вернуться в свою страну [27].

Военные психиатры Фликер и Вейсс [12] отмечают, что во всех крупных войнах, начиная с наполеоновского времени ностальгия неоднократно регист-

рировалась военврачами. Основываясь на своем собственном исследовании в армии во время Второй мировой войны, Фликер и Вейсс характеризуют ностальгию как полет из болезненного настоящего в приятные аутичные мысли о «доме».

Таким образом, диагноз «ностальгия» годами применялся к различным патологическим реакциям на разлуку с «домом». В своем фундаментальном обзоре исследовательских публикаций по ностальгии МакКанн [20] составил впечатляющий список физиологических, психосоматических и психологических симптомов, считавшихся признаками этого заболевания. К первым он относит затрудненность дыхания, сердцебиение, нарушения кровообращения и повышенное кровяное давление, прекращение менструаций, ночную потливость, нарушения работы желез, неопределенные блуждающие боли, секреторные и пищеварительные нарушения, тошноту, ощущение «внутреннего удушья», комок в горле, «странную» пустоту в желудке, потерю аппетита, бессонницу, сильную лихорадку, а в серьезных случаях — делирий, конвульсии и ступор. Приведенные им психологические симптомы включают апатию, чувство одиночества, плаксивость, утрату интересов и стремлений, неодолимую тоску по «дому», неспособность думать о чем-либо, кроме «дома», а в серьезных случаях — меланхолию, чувство безнадежности, обморочные состояния, иллюзии, галлюцинации и бред. МакКанн отмечает, что серьезные приступы «ностальгии» иногда приводят к психозу и смерти путем активного или пассивного суицида.

Список вполне впечатляющий. Когда я только начинал работать с иммигрантами и беженцами, я был поражен, что люди, как правило, без какой бы то ни было психиатрической истории жаловались на непереносимую и ничем конкретным не вызванную тревогу и страх, подавленность, потерянность, резкое ухудшение соматического состояния, рассеянность, невнимательность, невосприимчивость к новому. Наиболее удивительными были их жалобы на слуховые галлюцинации и диссоциативные эпизоды. Многие слышали голоса друзей или коллег, вели с ними продолжительные разговоры; учительница музыки слышала музыку и голоса своих учеников, инженер большого завода — шум станков. Некоторые пациенты буквально катапультировались в прошлое, теряя, иногда на продолжительное время, ощущение реальности и настоящего. Все эти симптомы, в свою очередь, переживались как полная утрата сознательного контроля над собой и подтверждение собственного сумасшествия и необратимого изменения своего «Я» [30].

Чтобы понять, что же может вызывать подобные симптомы в иммиграции, я обращаюсь к понятию «Дом» и переживанию разлуки с «домом». Дом это прежде всего географическое пространство, место, которое служит основой для жизни как таковой и дает нам возможность для ориентации и идентификации себя. Место ориентирует нас во времени, поскольку в него инкрустирована история. Феномено-

логические географы считают, что место отражает узлы человеческой биографии, которая, в свою очередь, является неповторимым сплетением, паутиной, определенным образом расположенных эпизодов жизни [22]. Живя в определенном месте, мы не только вбираем его в себя, но и проецируем на него части себя. Иными словами, место, знакомые предметы становятся одушевленными. Важно не только и не столько то, что мы помним места, но и то, что они помнят и знают нас. Аргентинские психоаналитики Гринберги приводят слова одного из своих пациентов иммигрантов:

«Я бы сказал, что вам стоит начать с контроля за улицами. Углы. Небо. Закусочные. Солнце, и что еще важнее, тени. Только когда вы почувствуете, что улица вам не чужая, тогда и улица перестанет глядеть на вас как на чужого. И так со всем. Поначалу я ходил с тростью, что возможно и приличествует 67-летнему человеку. Но это не было связано с моим возрастом. Это была обескураженность. Раньше я всегда возвращался домой одной и той же дорогой. И теперь мне ее не хватало» [16, с. 165].

Согласно концепции пространственной идентичности [13], ключевыми элементами человеческого «Я» являются переживание окружающей обстановки и диктуемые ею повседневные привычки. На этот аспект физической обстановки обратили внимание уже давно. Гиппократ писал о квазиидентификации человеческих рас с родными местами и климатом. Он отмечал, что с момента рождения человек пропитывается топографическими характеристиками местности. Когда людей, выросших в горах, на равнинах или в прериях, посылали в другую страну, за этим неизбежно наступало ужасное смятение. В 1705 г. швейцарский натуралист Шойчзер (Scheuchzer) объяснял ностальгические состояния у мигрантов, переехавших с гор в низины, реакцией на изменение давления воздуха [20].

Географические характеристики места «вбедаются в нервы и мышцы». Фулливоле [15] отмечает, что внезапная утрата внешнего мира, обусловившего этот «импринт», ощущается не только эмоционально, но и телесно: «Люди чувствуют оцепенение или вялость или пребывают в сумеречном состоянии. Они часто падают и страдают физическими болями». Таким образом, утрата знакомого окружения «воспринимается как утрата себя» [15, с. 1518].

Следующей составляющей «Дома» является культурный контекст. Эриксон [11] отмечает, что «ощущение внутренней целостности, привитое культурой или цивилизацией... становится “нашим духовным наследием”, печатью нашего собственного морального отцовства» [12, с. 269]. Наша культура ежедневно нас формирует и культивирует, чего мы

зачастую не сознаем. Ощущение самотождественности поддерживается языком, на котором мы говорим; общими культурными мифами, ценностями и ритуалами; идентификацией себя с той или иной социальной группой; привычным образом жизни и повседневными делами. Таким образом, индивидуальная история «помещена в непрерывность сконструированной и разделенной социальной истории, в которой мы находим Себя и свою отдельную непрерывность» [9, с. 20].

Что же происходит, когда это сродство с культурой теряется либо потому что мы уезжаем, либо потому что культура изменяется до неузнаваемости?

Размышляя над распадом СССР и над тем, что Ионин [1] называет «смертью советской культуры», он приходит к выводу, что распад культуры влечет за собой массовую дезориентацию и разрушение идентичности на уровне индивида и группы. Ионин утверждает, что одним из проявлений такого массового замешательства является утрата биографий. Индивидуальная биография характеризуется соответствием прошлого, настоящего и будущего или связью между историей жизни и ожидаемым будущим.

С субъективной точки зрения «прошлое — это тень, отбрасываемая будущим» [1, с. 209], поскольку ожидаемое будущее служит критерием оценки жизни и создает целостность биографии. Когда социальная среда резко меняется, существующие планы на будущее разрушаются и уже не служат точкой отсчета. В результате прошлое перестает быть развивающейся системой: оно превращается в беспорядочный набор фактов и событий, не обладающий внутренней логикой. Это теоретическое положение подтверждается исследованиями перспективы времени у беженцев. Так, Бейзер и Хайман [5] с соавторами показали, что у беженцев перспектива времени «атомарна», т. е. прошлое, настоящее и будущее в ней разорваны⁴.

Социальные взаимодействия, происходившие раньше «естественно» как нечто само собой разумеющееся, становятся проблематичными. Когда социальный мир меняется, человек замечает, что его действия уже не ведут к привычно ожидаемым реакциям окружающего мира. «Это как если бы мир перестал узнавать человека и его действия..., как если бы человек уже не отражался в зеркале социального мира» [1, с. 208]. Таким образом родная культура нередко переживается и начинает осознаваться в ее отсутствии или, по словам Бока [7], культура — это то, что делает нас чужеземцами при разлуке с домом.

И, наконец, последняя составляющая «Дома» — это те смыслы и переживания, которыми человек его наполняет. Рискну утверждать, что вне зависимости от эмоций, которые мы испытываем по отношению к тем или иным аспектам «Дома», — любим ли мы сля-

⁴ Вотруба и Черновский [29] предлагают любопытное объяснение теории Фрейда, исходящее из того, что он был центральноевропейским беженцем, эмигрировавшим из Моравии в Вену в возрасте трех лет. В свете этого неудивительно его представление о том, что формирование личности завершается к трем годам, после чего в ней возможны только небольшие изменения. Эти авторы заключают, что подобно многим перемещенным лицам Фрейд «во многом переживал свою последующую жизнь в терминах столкновений между его уже сформировавшейся и относительно неизменной личностью и новым, не вполне совместимым с ней окружением, в которое он оказался пересаженным» (с. 238—239).

кость и промозглость поздней осени, нравится ли нам политический строй и устой жизни, — наиболее важным переживанием «Дома» является его «знаемость» и ощущение участия и присутствия. Генетически это ощущение формируется на протяжении всей жизни и восходит к самым ранним переживаниям человека. Юнгианский психоаналитик Ньюман пишет:

«Ребенок “содержится” в матери даже после своего рождения, целиком зависит от нее... она есть окружающий мир, в котором и из которого он живет... она одновременно внутри и снаружи... В этой первичной связи всеохватывающая, жизнесодействующая и жизне-направляющая мать является для младенца Миром и Собой в одном... Каждая... мать, предоставляя безопасность, любовь, питание, тепло и защиту..., создает все-содержащий мир...» [21, с. 7–8].

Мать или Мир одновременно и внутри и снаружи. То есть младенец «не знает», он ли породил окружающий мир силой своей фантазии, или он существует вне зависимости от него. Винникотт [28] пишет, что эта иллюзия всемогущества восходит к кормлению. В случае если внимательная мать дает младенцу грудь тогда, когда он хочет есть, у него возникает ощущение, что это он породил ее в тот момент, когда она была ему необходима. Основываясь на способности ребенка переносить разлуку с ней, мать постепенно лишает его этой иллюзии. Однако этот процесс обречен на неудачу, если вначале не было дано возможности для формирования иллюзии. Винникотт вводит термин «переходный объект» (плюшевый мишка, напевание колыбельной, сосание пальца), обозначая им объекты, приобретшие символическое значение для ребенка, и в конечном счете позволяющие ему восстановить иллюзорный контроль над миром и собственным состоянием в отсутствие матери. Природа этих объектов заключается в их промежуточности, они и не внутри и не снаружи, а между ребенком и миром. Это пространство, Винникотт его называет «потенциальным», не ограничивается периодом детства, а существует на протяжении всей жизни:

«промежуточное пространство переживания должно существовать в качестве пространства отдыха, в котором человек пытается решить эту вечную задачу по разделению переплетенных внутренней и внешней реальностей» [там же, с. 2].

Дом, с моей точки зрения, является продолжением этого промежуточного пространства-отдыха, которое позволяет сбываться иллюзии всемогущества. С одной стороны, мы все, конечно, понимаем, что гроза в начале мая — это явление климатическое, и уж никак от нашей воли не зависит. В то же время когда она случается, то отвечает нашим ожиданиям, проливаясь именно тогда, когда мы ее ждем. Не говоря уже о том, что она насыщена поэтическими аллюзиями. Произошло совпадение. Феноменология переживания заключается в том, что произошло то, что должно было произойти, что соответствует опыту и воспоминанию. А внутри гроза или снаружи, так это, пожалуй, и не разберешь.

Приведу пример, иллюстрирующий вышеописанное представление о доме.

Я интервьюировал одну из респонденток для своего исследования. Русская по национальности, она прожила всю свою жизнь в Узбекистане. Вскоре после распада Советского Союза, в связи с нарастающими межэтническими конфликтами, она со всей семьей иммигрировала в Сан Франциско. Одно из интервью я проводил, у нее дома. Она встретила меня со своим мужем. Стол был накрыт к чаю.

Респондентка. Это наши узбекские пиалы. Хотя мы и не узбеки, мы там выросли и впитали в себя узбекскую культуру. У нас такой узбекский обычай пить чай, когда дома гость.

Муж. Мы впитали в себя такие культурные традиции, как гостеприимство и добросердечие.

Респондентка. Мы также привезли шкатулку, вон ту вазу... Наши дети нам ее подарили на серебряную свадьбу. Там на полках — русские книжки. Мы все-таки надеемся, что внук их когда-нибудь прочтет. Он вначале читал, а потом перестал. Многие вещи мы не смогли привезти.

Муж. Мой дед подарил мне нож, который он привез с войны. Какая-то с ним связана трагическая, победная история. Таможня бы его не пропустила.

Респондентка. У нас также была коллекция монет с царских времен. Бабушка их мне подарила.

Муж. Еще была коллекция советских марок. Несколько альбомов. Много книг пришлось оставить... Была одна, посвященная трехсотлетию Руси.

Респондентка. Не было ни сил, ни денег, чтобы все это вывезти. Жалко. Это могло бы быть интересно внуку.

Этот отрывок иллюстрирует степень, в которой наше окружение (которое мы воспринимаем как данное, т. е. зачастую не замечаем, а замечаем лишь в случае его отсутствия) отражает наш жизненный путь и историю поколений. Более того, оно является обязательным условием передачи опыта грядущему поколению. Без альбома советских марок, ножа прадеда и царских монет внук вряд ли получит осязаемый опыт связи поколений. История останется голословной, ее невозможно будет пощупать. Этот пример подтверждает то, о чем я писал выше: не только мы помним знакомые предметы, но и они помнят нас. Пиалы и чаепитие воплощают гостеприимство и добросердечие; царские монеты олицетворяют не только семейную реликвию, передаваемую через поколения, но и тот факт, что они сохранились во времена революции, голода и войны. Вне подобной «врезанной» знакомости, вне осязаемого подтверждения своей памяти человек начинает сомневаться в реальности собственной истории и на каком-то уровне в действительности собственного «Я».

Гринберги по этому поводу пишут:

«Миграция — это перемена такого масштаба, что она не только затрагивает всю нашу идентичность, но и подвергает ее риску. Человек переживает потерю наиболее значимых и ценных объектов: людей, предметов, мест, языка, культуры, обычаев, климата,

а иногда профессии и социально-экономической среды... Эмигрант не только теряет привязанность к этим объектам, но ему также угрожает утрата части самого себя» [16, с. 26].

Этим словам вторит Салмон Рушди. В своей книге «Воображаемые отечества» он пишет: «Если не породить мир самым детальнейшим образом в описаниях, его не станет... Эмигранту приходится изобретать землю у себя под ногами» [25, с. 149]⁵. Одна из моих пациенток сказала: «Я сегодня вышла на улицу и было такое мягкое солнце, что мне показалось, что это майское утро... Там... А потом спустился туман, и я поняла, что я здесь...» В скобках замечу, что дело произошло в декабре. Подобные трения при соприкосновении эмигранта с чужбиной постоянны и пронизывают все сферы жизнедеятельности.

Согласно Рикёру, чувство самотождественности основывается на непрерывном диалоге между опытом и памятью [24, с. 163–168]. Андре Моруа в своей работе о Прусте пишет, что у Пруста произвольное воскрешение в памяти происходит «через совпадение текущего ощущения и памяти» [19, с. 14]. У иммигранта подобные совпадения минимальны. А если они и возникают, то лишь для того, чтобы указать на отсутствие чего-то самого существенного и привычного. Более того, работа по вспоминанию себя происходит в ситуации вторжения непривычного и незнакомого, которое необходимо еще и усвоить для того, чтобы выжить.

Одна из моих респонденток вспоминала свой перелет в Сан Франциско из Нью Йорка:

«Все эти временные пояса, — я была уверена, что мы перепутали самолеты. Я попыталась спросить что-то у стюарда... Я думала, он меня из самолета вышвырнет. Дома мне казалось, что я говорю по-английски. А здесь я говорю, а меня не понимают. Люди как люди, а общаться я не могу. И тогда я поняла, что это навсегда... Никогда у меня раньше этого чувства не было. Когда мы прилетели, нам выдали бирки: «Беженцы», и я тут же почувствовала себя как партизан во время войны. Вот тогда-то у меня и возник

этот ужас, панический страх, который у меня до сих пор есть, несмотря на никакие лекарства».

То есть диалог между опытом и памятью оказался прерванным. Вернее, новый опыт не укладывался в память о себе, что, в свою очередь, подрывало ощущение самотождественности и приводило в состояние ужаса. Похожее ощущение было у моего пациента из Боснии, воевавшего в боснийской войне и пережившего концентрационные лагеря. «К войне, как бы тяжело ни было, можно было приспособиться. Научиться пригибаться, рыть окопы. Кроме того, было ощущение, что это все кончится; либо красный крест спасет, либо убьют. Здесь же это незнание, оно навсегда. Это невозможно понять».

И еще один пример подобного рода. Иммигрантка с Украины так описывает свои переживания при входе в свою первую квартиру в Сан Франциско: «Когда я вошла в нее... там не было коридора. Входишь с улицы прямо в гостиную. Мне сразу это напомнило еврейское гетто во время войны. В доме, в котором мы жили, тоже не было коридора. Входили прямо в комнату».

Эти примеры бесконечны. Удивительны сравнения. Беженец приравнивается к партизану. По ощущению разрыв непрерывности сравним только с войной. Последний отрывок также иллюстрирует незащищенность перед внешним миром. Коридор, крыльцо, скамейка у дома находятся между или на границе внешнего и внутреннего, своего и чужого. Они позволяют соприкоснуться с окружающим миром без взаимопроникновения. Каждый остается на своих местах и, при счастливом стечении обстоятельств, даже обогащен встречей. Неудивительно, что иммигрантка сравнивает Сан Франциско и гетто именно по этому признаку. В отсутствие переходного и разделительного пространства внешний мир не только бесцеремонно врывается, но еще и наводит хаос внутри, приводя человека в состояние замешательства, страха и ужаса⁶.

Наличие знакомого промежуточного пространства «Дома» обеспечивает не только ориентацию в мире,

⁵ Сравни с описанием переживаний заключенного у Камю [2, с. 93]: «... всё дело заключалось в том, чтобы убить время. Перестал я скучать с того момента, как научился жить воспоминаниями. Порой я припоминал свою комнату и в воображении ходил по ней вдоль и поперёк, представляя себе всё, что в ней находится. В начале это быстро подходило к концу. Но при повторении длилось всё дольше и дольше... По прошествии нескольких недель я способен был проводить часы и часы, перечисляя всё находящееся в моей комнате. Чем напряженнее я о ней думал, тем большее количество забытых предметов всплывало в моей памяти. Я понял тогда, что достаточно было бы человеку прожить один день, чтобы затем оказаться в состоянии безмятежности провести в тюрьме сто лет. Воспоминания не дали бы ему скучать».

⁶ Сравни с описанием ужаса В. Набоковым: «И вот, в тот страшный день, когда, опустошенный бессонницей, я вышел на улицу, в случайном городе, и увидел дома, деревья, автомобили, людей, — душа моя внезапно отказалась воспринимать их как нечто привычное, человеческое. Моя связь с миром порвалась, я был сам по себе, и мир был сам по себе, — и в этом мире смысла не было. Я увидел его таким, каков он есть на самом деле: я глядел на дома, и они утратили для меня свой привычный смысл; все то, о чем мы можем думать, глядя на дом... архитектура... такой-то стиль... внутри комнаты такие-то... некрасивый дом... удобный дом... — все это скользнуло прочь, как сон, и остался только бессмысленный облик, — как получается бессмысленный звук, если долго повторять, вникая в него, одно и то же обыкновеннейшее слово. И с деревьями было то же самое, и то же самое было с людьми. Я понял, как страшно человеческое лицо. Все — анатомия, разность полов, понятие ног, рук, одежды, — полетело к черту, и передо мной было нечто — даже не существо, ибо существо тоже человеческое понятие, — а именно нечто, движущееся мимо».

Охваченный ужасом, я искал какой-нибудь точки опоры, исходной мысли, чтобы, начав с нее, построить снова простой, естественный, привычный мир, который мы знаем. Я, кажется, сидел на скамейке в каком-то парке. Действий моих в точности не помню. Как человеку, с которым случился на улице сердечный припадок, нет дела до прохожих, до солнца, до красоты старинного собора, — а есть в нем только всепоглощающее желание дышать, — так и у меня было только одно желание: не сойти с ума. Думаю, что никто никогда так не видел мира, как я видел его в те минуты. Страшная нагота, страшная бессмыслица... И тогда ужас достиг высшей точки. Я уже не боролся. Я уже был не человек, а голое зрение, бесцельный взгляд, движущийся в бессмысленном мире. Вид человеческого лица возбуждал во мне желание кричать» [4, с. 400–401].

но и знаемость себя в мире и в конечном счете дает ощущение контроля (всемогущества?) над своим «Я». «Одно дело слышать об иммиграции, а другое пережить ее всем своим существом», — сказала одна из моих респонденток, — «Люди не знают, что их ждет». Под этим «незнанием» понимается не только английский язык и климатические условия. Это незнание себя в неизвестном окружении в отсутствие дома. Иными словами, Дом не только нас помнит, но еще и знает, вернее, определяет наше знание о себе.

Каковы же механизмы сохранения непрерывности собственной жизни в подобных условиях? Наиболее естественным является воспоминание, однако его, во-первых, недостаточно для воссоздания себя, а во-вторых, оно затруднено в силу исчезновения привычного промежуточного мира. Неудивительно, что иммигранты зачастую идеализируют прошлое, включая его негативные аспекты. Они также порождают вымышленные биографии, пытаясь доказать окружающим и прежде всего себе, что жизнь прожита не зря. Доходит до смешного. Как сказала одна из моих респонденток, «Сколько же главных начальников было в одесском порту? Я одна знаю штук десять». Возможна и обратная реакция, а именно отрицание прошлого, наполнение его исключительно негативными эмоциями. Хотя и с разным результатом, но и в этом случае иммигрант пытается сохранить себя, оправдать свой выбор. Важно то, что и тот и другой вариант не терпит двусмысленности, неопределенности. То есть раздумье превращается в слепую веру, мир становится черно-белым. Все усилия направлены на то, чтобы сделать вид, что ничего не произошло.

Наиболее буквальным путем преодоления разрыва является жизнь в собственной этнической общине. Это дает столь необходимую знакомость языка, обычаев, кухни и т. п. Иммигрант хоть в чем-то может найти собственное отражение. Хоть зачастую и суррогатный, этот мир предоставляет необходимое пространство отдыха. Было показано, что психиатрические расстройства у иммигрантов обратно пропорциональны величине иммигрантской общины. Это соответствует и моим наблюдениям. В 1992—1995 гг., когда русскоязычная община в Сан Франциско была невелика, в клинику обращались очень много пациентов с психотическими и диссоциативными жалобами, о которых я упоминал ранее. С увеличением общины эти жалобы практически исчезли. Здесь еще нужно учитывать время, в которое человек уезжал. Начало 90-х сопровождалось таким хаосом в Союзе, что разрыв непрерывности произошел еще до отъезда. Люди приезжали в замешательстве, лишены каких бы то ни было опор, пусть даже в памяти. Зачастую еще до отъезда они идеализировали свое будущее в Америке, как единственное, что могло придать их жизни какой-то смысл. По приезду они скоро понимали, что их ожидания не оправдались. Этот двойной разрыв «потенци-

ального пространства» приводил к порождению слуховых и зрительных галлюцинаций и диссоциативных эпизодов.

Этот феномен наводит на мысль об экспериментах по сенсорной депривации, проводившихся в основном в 1960-х г. при исследовании приспособления человека к условиям открытого космоса [17; 18]. Испытуемых помещали в депривационную ванну, в которой они не могли воспринимать внешние сенсорные стимулы и получать обратную связь о своих действиях и положении тела. У испытуемых, лишенных привычного отражения телесных ощущений в тактильной, кинетической, зрительной и слуховой модальностях, начинались галлюцинации. В этой беспредметной реальности предметно опосредованные высшие психические функции продолжали работать и создавать свои собственные точки отсчета. Нередко эти ощущения были настолько страшными, что эксперимент приходилось прекращать: галлюцинации были настолько яркими, что людям казалось, будто они начинают сходить с ума. Подобные психогенные психотические расстройства описаны в контексте острого горя, когда горящий слышит голос или видит образ умершего. В симптоматике посттравматического расстройства широко известны так называемые «flashbacks», или «вспышки прошлого», при которых больной вновь переживает травматическую ситуацию. Все эти симптомы, во-первых, суть регресс на пре-символическую стадию развития. При подобных разрывах «потенциального пространства» сознание не довольствуется символическим воспоминанием. Напротив, воспоминание из образного становится конкретным повторением прошлого опыта; зачастую безуспешной попыткой оживить или переделать прошлое. Во-вторых, подобное оживление, несмотря на осознание ненормальности происходящего и страх потери рассудка, воссоздает непрерывность «потенциального пространства», вроде того плюшевого мишки в отсутствие матери. То есть эффект, несмотря на очевидную психопатологию, получается тот же: ничего не произошло и все осталось как было⁷.

Интересно в этой связи амбивалентное отношение пациентов к своим симптомам. С одной стороны, подобные вторжения в сознание воспринимаются пациентами как свидетельство собственного сумасшествия и приводят их в состояние ужаса, с другой, по мере исчезновения этих симптомов под влиянием ли лекарств, психотерапии или просто с течением времени они начинают скучать по ним и переживать, что связь с прошлым ослабла или оборвалась навсегда.

Таким образом, мы имеем дело с двояким процессом. Первое — это вторжение незнаемого внешнего мира, которое в ситуации разрыва «переходного пространства» вызывает чувство страха. Второе — это вторжение «распоясавшегося» внутреннего мира, приводящее в состояние ужаса. И то и другое втор-

⁷ Невольно приходит на память предание о Граде Китеже, скрывшемся под землей во время нашествия Батые. На месте его теперь озеро, и только избранные иногда могут слышать колокольный звон в церквях исчезнувшего города.

жение отторгается как противоречащее предыдущим знаниям о себе и мире. Спасением, как от того так и от другого является возврат к известному состоянию себя посредством вышеописанных механизмов восстановления непрерывности. Приведу отрывок одного из терапевтических сеансов.

Пациент. Так странно... несколько дней назад. Я стояла на кухне и что-то делала. И вдруг, так ясно увидела: давно, давно, я сижу в аудитории в университете и читаю. Читаю, конспектирую, подчеркиваю. Ленинская работа «Шаг вперед, два шага назад». Не знаю, почему я это вспомнила. Хотите верьте, хотите нет, но ведь я верила всему, что они нам говорили. Потом гласность. Сейчас Америка. Я была поражена, когда я всё это прочитала, там и здесь... Я даже и не хотела всего этого знать.

Психолог. Интересно, как название ленинской статьи отражает ваше состояние.

Пациент. Что вы имеете в виду?

Психолог. Это новое знание и иммиграция, в каком-то смысле, шаг вперед, а скучаете вы не по стране, из которой вы уехали, — один шаг назад, а по стране, которая когда-то существовала. Вы хотите сделать два шага назад — в пространстве и времени.

Пациент: Это правда. Мир был таким простым. Я была слепая. И как я могла этому верить. А всё же я была счастлива.

То есть перед лицом нового знания простота мира и слепая вера являются залогом счастья. Два шага назад представляют необходимое и безопасное убежище. Еще один пример.

Пациент. Ноги болят, туфли узкие. Не могу здесь туфли найти. Они здесь туфли делают для китайцев, для их узких ног. У меня ноги широкие, мне эти туфли не подходят.

Психолог. Жмет здешняя обувь, тесно вам здесь.

Пациент. Я из Коростеня. Слышали про такой город? Княгиня Ольга его сожгла. Речка Уж. Вода там была такая прозрачная, место чудесное. На излучине реки была небольшая запруда. Люди ее называли «Купальня княгини Ольги». Можно было войти по плечи и все равно видеть пальцы на ногах. А сейчас... Грязь да ил⁸.

Можно предположить, что в контексте сеанса упоминание предания о голубях, которые сожгли город, может значить, что если пациентка позволит амбивалентно заряженным мыслям полететь назад, то они могут сжечь идеализированное воспоминание о Доме.

Получается, что в диалоге между знанием и памятью побеждает память. Английский психоаналитик Блон рассматривает знание как эмоциональное переживание наравне с любовью и ненавистью. Знание берет начало во фрустрации, порожденной переживанием незнаемого. Возможны два результата подобной фрустрации. Первый — «болезненные усилия понять», с реализацией того, что абсолютное знание

недостижимо. Второй — «безболезненное удовлетворение» с целью избежать болезненных переживаний, вызванных невозможностью вынести фрустрацию. Блон утверждает, что открытость человека новому знанию зависит от способности «контейнера» быть стабильным и в то же время не ригидным. Далее: «Это необходимый фундамент, дающий человеку возможность сохранить свое Знание и Память («опыт», в оригинале), и в то же время быть готовым реконструировать Память («прошлый опыт», в оригинале) таким образом, чтобы быть способным к восприятию Нового» [6, с. 93].

Жизненный мир беженцев претерпел разрыв, поставивший их в ситуацию необходимости смотреть в лицо незнаемому миру и незнаемому доселе «Я». Их способность к восприятию этого нового знания сведена к минимуму полной дезинтеграцией «контейнера». В результате «болезненное усилие понять» что-то важное о мире и о себе превратилось в «безболезненное удовлетворение» с целью избежать встречи с неизвестным.

Мамардашвили, не отличавшийся большим оптимизмом по отношению к человеческой натуре, писал, что identity или самотождественный индивид это, — «одна из самых трудно расцепимых связей, мешающих нам что-то видеть и понимать, угнетающая нас еще больше, чем любые так называемые социальные или классовые системы отчета. Существует закон сознательной психологической жизни: мы живем, стараясь в каждое мгновение жизни выполнить, удерживать какое-то почти кататоническое сращение себя со своим образом.... То есть индивид как бы всё время находится в состоянии кататонии — болезни, которая внешне выражается в том, что человек неестественным образом застывает в какой-то позе. Это судорога, гримаса тела. И такой неестественной судорогой психического или сознательного тела является identity, которое мы стараемся не расцепить» [3, с. 100—102].

Менее пессимистичный Рушди замечает: «Массовая миграция породила совершенно новый вид людей: людей, укореняющихся в мыслях, а не в местах; в памяти, а не в материи; людей, определяющих себя своей инакостью; в чьих “Я” возник беспрецедентный союз того, кем они являются и того, где они находятся. Мигрант сомневается в реальности: пережив несколько вариантов бытия, он понимает их иллюзорность» [25, с. 124].

Разница в размышлениях о человеке Мамардашвили и Рушди заключается, пожалуй, в итоге диалога между Памятью и Знанием. В первом случае побеждает Память; во втором — Знание. Изгнание из Райского сада, первая миграция человека, произошла во имя Знания, что совпало с осознанием собственной обнаженности и пониманием Добра и Зла, которое было невозможно в ситуации полного единения «Я» с Миром. Желание вернуться в это блаженное состояние единения карается. Гринберги [16,

⁸ Я признателен Алле Волович за предоставление этого примера.

с. 8] предлагают рассматривать миф о Вавилонской башне в качестве прототипа миграционного импульса достичь рая и получить знание об ином мире. Это желание строго карается смешением языков. Я предлагаю немного продолжить эту интерпретацию. Желание достичь рая — это не столько желание получить знание иного мира, сколько попытка познания «Дома», мира, откуда человек был изгнан. То есть миф говорит о невозможности возврата в стадию единства. Это попытка приводит лишь к еще большему разобщению. То есть если с изгнанием из рая мигрант осознает собственную наготу, то попытка возвращения приводит к непониманию других, а по существу, самого себя.

В то время когда мигрант лишен привычного ощущения реальности, у него нет другого выбора кроме как повернуться лицом к себе в отсутствие «языков» и формирующего и все-содержащего окружения. При отсутствии «Дома» и «отражений» человек не только осужден думать о прошлом, но и обречен думать о себе, — «Себе», очищенном от промежуточного культурного пространства, «Себе», которое не было пережито ранее. Таким образом, иммиграция — шаг вперед к новому знанию в то же время является парадоксальным возвратом к давно забытому,

а может, и неизвестному «Я». Ностальгия, в таком случае, — это не только механизм залатывания разрыва в непрерывности «промежуточного пространства переживания», но и защита против этого неизвестного и зачастую устрашающего «Я». Такой диалог между памятью и знанием прекрасно изобразил Томас Элиот, у которого был свой опыт смены американского гражданства на британское подданство:

Мы будем скитаться мыслью
И в конце скитаний придем
Туда, откуда мы вышли,
И увидим свой край впервые.

В октябре 2003 г. мне посчастливилось побывать на конференции, посвященной столетию Петра Ивановича Зинченко. Это событие позволило мне приехать в Харьков, повстречаться с людьми, которые знали деда, походить по коридорам университета, по которым он ходил, услышать много теплых слов, сказанных о нем. Мне также повезло, что благодаря этому событию я вместе с отцом, Владимиром Петровичем Зинченко, побывал в его родном городе и посмотрел на него глазами отца. По счастью, возвращение в моем случае не вызвало непонимания других и себя. Напротив, это было осязаемым воспоминанием и восстановлением связи времен, мест и поколений.

Литература

1. Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 1996.
2. Камю А. Незнакомец. Paris: Editions Victor. 1942.
3. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте. М., 1995.
4. Набоков В. Собр. соч. Т. 1. М., 1990.
5. Beizer M., & Hyman I. Refugees time perspective and mental health. American Journal of Psychiatry, 154 (7).1997.
6. Bion W. R. Learning from experience. London: William Heinemann Medical Books, Ltd., 1962.
7. Bock P. (Ed.) Culture shock: A reader in modern anthropology. New York: Alfred A. Knopf.
8. Brownfield C. Isolation: Clinical and experimental approaches. New York, Random House. 1965.
9. Bruner J. (1991, Autumn). The narrative construction of reality. Critical Inquiry.
10. Castelnovo-Tedesco P. Reminiscence and nostalgia: The pleasure and pain of remembering. In S. I. Greenspan and G. H. Pollock (Eds.), The course of life: Psychoanalytic contributions toward understanding personality development (Vol. III), Adulthood and aging process. Washington. 1980.
11. Erikson E. Childhood and Society. New York, 1963.
12. Flicker D., & Weiss P. Nostalgia and its military implications. War Medicine, 4. 1943.
13. Fried M. Grieving for a lost home. In L. Duhl (Ed.), The urban condition: People and policy in the metropolis. New York, 1963.
14. Frost I. Homesickness and immigrant psychoses. Journal of Mental Sciences, 84. 1938.
15. Fullivole M. T. Psychiatric implications of displacement: Contributions from the psychology of place. American Journal of Psychiatry 153 (12). 1996.
16. Grinberg L. & Grinberg R. Psychoanalytic perspectives on migration and exile. New Haven & London. 1989.
17. Harris A. Sensory deprivation and schizophrenia. Journal of Mental Science, 105. 1959.
18. Martin A. Nostalgia. The American Journal of Psychoanalysis, 14 (1). 1954.
19. Maurois A. From Proust to Camus: Profiles of modern French writers. Garden City, New York: Doubleday & Company, Inc. 1966.
20. McCann W. H. Nostalgia: A review of the literature. Psychological bulletin, 38. 1941.
21. Neumann E. Fear of the feminine. Quadrant, 19(1), 7-30. 1986.
22. Paasi A. Deconstructing regions: Notes on the scales of spatial life. Environment and planning, 23. 1991.
23. Peters R. M. Reflections on the origins and aim of nostalgia. Journal of Analytical Psychology, 30 (2). 1985.
24. Ricoeur P. Oneself as another. Chicago: University of Chicago Press. 1992.
25. Rushdie S. Imaginary homelands. London: Granta Books. 1991.
26. Sanchez G., & Brown T. Nostalgia: A Swiss disease. American Journal of Psychiatry, 151(11). 1994.
27. Sterba E. Homesickness and the mother's breast. Psychiatric Quarterly, 14. 1940.
28. Winnicott D. W. Playing and reality. London, New York: Routledge. 1986.
29. Wotruba A., & Cermovsky Z. Freud's self-analysis and the inner life of contemporary refugees. The American Journal of Psychoanalysis, 47(3), 1987.
30. Zinchenko A. Nostalgia and discontinuity of life: Multiple case study of older ex-Soviet refugees seeking psychotherapeutic help for immigration related problems. Doctoral Dissertation, Saybrook Institute, San Francisco, 2001.

Nostalgia: A Dialogue between Knowledge and Memory

A. V. Zinchenko

Ph.D. in Psychology, Psychologist, Private Practice, USA

This article describes the phenomenon of nostalgia as a special kind of emotional memory that allows a person to keep the illusion of continuity in a situation of dramatic life changes. Based on literature analysis and on psychotherapeutic work experience with immigrants from the former Soviet Union in the United States, the author shows that nostalgia may manifest in severe psychosomatic conditions, agitated depression, psychotic and dissociative symptoms. To better understand this phenomenon the author analyses «Home» as a personal geographic and culture-historic object that is located between the person and the environment. Based on the object relations theory author shows that in case of breach of such an intermediate space the meeting with novelty in the world leads to fear, while the inner experiences often cause the state of horror. Nostalgia in these conditions serves to: 1) re-establish connection with the lost; 2) reject the novelty of the world; 3) prevent new knowledge about oneself in the absence of familiar cultural landmarks.

Keywords: Nostalgia, Breach of Continuity of the Living World, Identity, Object Relations Theory, Psychosis, Dissociation.

References

1. *Ionin L. G.* Soziologiya kul'tury. M., 1996.
2. *Kamyu A.* Neznakomez. Paris: Editions Victor. 1942.
3. *Mamardashvili M. K.* Lekzii o Pruste. M., 1995.
4. *Nabokov V.* Sobr. soch. T. 1. M., 1990.
5. *Beizer M., & Hyman I.* Refugees time perspective and mental health. *American Journal of Psychiatry*, 154 (7).1997.
6. *Bion W. R.* Learning from experience. London: William Heinemann Medical Books, Ltd., 1962.
7. *Bock P.* (Ed.) Culture shock: A reader in modern anthropology. New York: Alfred A. Knopf.
8. *Brownfield C.* Isolation: Clinical and experimental approaches. New York, Random House. 1965.
9. *Bruner J.* (1991, Autumn). The narrative construction of reality. *Critical Inquiry*.
10. *Castelnuovo-Tedesco P.* Reminiscence and nostalgia: The pleasure and pain of remembering. In S. I. Greenspan and G. H. Pollock (Eds.), *The course of life: Psychoanalytic contributions toward understanding personality development* (Vol. III), Adulthood and aging process. Washington. 1980.
11. *Erikson E.* *Childhood and Society*. New York, 1963.
12. *Flicker D., & Weiss P.* Nostalgia and its military implications. *War Medicine*, 4. 1943.
13. *Fried M.* Grieving for a lost home. In L. Duhl (Ed.), *The urban condition: People and policy in the metropolis*. New York, 1963.
14. *Frost I.* Homesickness and immigrant psychoses. *Journal of Mental Sciences*, 84. 1938.
15. *Fullivole M. T.* Psychiatric implications of displacement: Contributions from the psychology of place. *American Journal of Psychiatry* 153 (12). 1996.
16. *Grinberg L. & Grinberg R.* Psychoanalytic perspectives on migration and exile. New Haven & London. 1989.
17. *Harris A.* Sensory deprivation and schizophrenia. *Journal of Mental Science*, 105. 1959.
18. *Martin A.* Nostalgia. *The American Journal of Psychoanalysis*, 14 (1). 1954.
19. *Maurois A.* From Proust to Camus: Profiles of modern French writers. Garden City, New York: Doubleday & Company, Inc. 1966.
20. *McCann W. H.* Nostalgia: A review of the literature. *Psychological bulletin*, 38. 1941.
21. *Neumann E.* Fear of the feminine. *Quadrant*, 19(1), 7-30. 1986.
22. *Paasi A.* Deconstructing regions: Notes on the scales of spatial life. *Environment and planning*, 23. 1991.
23. *Peters R. M.* Reflections on the origins and aim of nostalgia. *Journal of Analytical Psychology*, 30 (2). 1985.
24. *Ricoeur P.* *Oneself as another*. Chicago: University of Chicago Press. 1992.
25. *Rushdie S.* *Imaginary homelands*. London: Granta Books. 1991.
26. *Sanchez G., & Brown T.* Nostalgia: A Swiss disease. *American Journal of Psychiatry*, 151(11). 1994.
27. *Sterba E.* Homesickness and the mother's breast. *Psychiatric Quarterly*, 14. 1940.
28. *Winnicott D. W.* *Playing and reality*. London, New York: Routledge. 1986.
29. *Wotruba A., & Cernovsky Z.* Freud's self-analysis and the inner life of contemporary refugees. *The American Journal of Psychoanalysis*, 47(3), 1987.
30. *Zinchenko A.* Nostalgia and discontinuity of life: Multiple case study of older ex-Soviet refugees seeking psychotherapeutic help for immigration related problems. Doctoral Dissertation, Saybrook Institute, San Francisco, 2001.